

С. П. Залыгин

Николай Златовратский и "крестьянский мир"

Златовратский Н. Н. Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки.

М., "Современник", 1988

Составление и примечания Т. А. Полторацкой

Вступительная статья С. П. Залыгина

OCR Бычков М. Н.

Имя Златовратского вошло не только в русскую литературу, но и в русскую действительность конца прошлого, начала нынешнего века в самой тесной связи с темой народничества.

Решетников, Глеб Успенский и Златовратский -- вот, пожалуй, те три имени, которые наиболее активно формировали проблему в умах общества того времени. Ну и, может быть, еще Ремизов.

Однако это не значит ни то, что проблема была ими решена, ни то, что она ставилась и решалась ими художественно глубже, чем кем-либо другим. Если уж на то пошло, так Толстой тоже имел к ней непосредственное отношение, и не только он сам по себе, но и толстовство в целом.

Однако же для нас представляют несомненный интерес собственно "народники" типа Успенского и Златовратского, поскольку они воплощали эту проблему в том виде, который наиболее точно соответствовал пониманию ее тогдашним обществом.

Собственно, народ сам по себе никогда ведь не создавал идеи народничества -- с этой идеей родилась и затем долгие-долгие годы не отступала от нее русская интеллигенция. Не отступала, конечно же, по-разному -- вкладывая в народничество и в само понятие "народ" далеко не одинаковый смысл и даже противоположные политические убеждения, однако же вряд ли можно было назвать русского человека интеллигентом, если ему были чужды интересы народа и его будущее.

"Кому на Руси жить хорошо?"-- именно в этом аспекте интеллигенция познавала себя, определяла и свое назначение и свои отличия как от народа, так и от власть имущих "верхов".

Нравственные каноны, мыслительная деятельность, знания, которые так или иначе приобретал русский интеллигент тех времен, в конечном счете или низводились, или возвышались им до уровня именно этой проблемы -- служения народу, определения народного лица и роли как в настоящем, так и в недалеком и даже в самом отдаленном будущем.

И это национальное и общественно-психологическое явление не только не могло не отразиться в литературе, но и во многом сформировало все то, что вошло затем в мировую культуру под именем русской классики XIX века.

Конечно, старая истина оставалась в силе и тогда: искусство не может быть втиснуто в лоно хотя бы и самой великой, но одной-единственной проблемы, это -- не в его природе и не в его назначении, а попытки такого рода, откуда бы они ни исходили -- сверху или снизу, справа или слева,-- никогда не приносили лавров ни тем, кто их осуществлял, ни самому искусству, но другой факт налицо: два течения в русской литературе -- классическое и народническое -- оказались погодками; одни у них были родители, одни родственники, одни воспитатели, одна природа. Правда, их качества, судьбы и значение в этой жизни оказались разными.

Отчасти отсюда же, из этой родственности, возникает и поддерживается до наших дней интерес к творчеству таких писателей, как Златовратский. Привлекают же нас люди из ближайшего окружения Толстого, Тургенева, Достоевского, Гоголя, Чехова -- нечто подобное происходит и здесь.

Николаю Николаевичу Златовратскому (1845--1911), сыну мелкого владимирского чиновника, недоучившемуся и крайне нуждавшемуся студенту, по всем статьям его биографии надлежало бы пойти в революцию, в "Народную волю", в "Черный передел", и, вероятно, только литературные увлечения решили его судьбу иначе, преобразовали его духовный облик на мирный беллетристический, но достаточно непримиримый ко всем инакомыслящим литературным школам и направлениям лад.

Не будучи писателем самого высокого полета, Златовратский становится бытописателем -- более или менее обычная для того времени ситуация, в которой пишущий человек становился профессиональным литератором, литератор -- народником, народник -- писателем, писатель -- бытописателем и рыцарем своей идеи, рыцарем без страха и упрека. Этот порядок вещей начинался с безвестных корреспондентов безвестных губернских ведомостей и уездных -- с тиражом 300 экземпляров -- газеток, а кончался, должно быть, Глебом Успенским.

Это был признанный лидер.

Отчасти и сам тому свидетель -- я еще помню интеллигентов, которые полагали, что Глеб